

ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Ирина Михайловна Чурилова¹, Дмитрий Александрович Баранов²

*Московский городской педагогический университет¹
Москва, Россия*

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»²
Воронеж, Россия*

¹Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
ORCID ID: 0000-0002-0757-1207, тел.: (499) 181-66-29, e-mail: imb1985@yandex.ru

²Кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
ORCID ID: 0000-0002-7903-7484, тел.: (473) 244-38-32, e-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются причины и предпосылки «восточного поворота» во внешней политике России в конце XIX в. Первоначальное сближение с Китаем сменилось стадией конфликта и заложило основы русско-японского противостояния на Дальнем Востоке. Авторы представляют анализ российско-китайских отношений в 1895–1900 гг., цели дальневосточной политики России и ее участие в подавлении ихэтуанского восстания 1898–1901 гг. Ключевой вывод состоит в том, что российская дальневосточная политика в конце XIX в. превратилась из системы двусторонних отношений в сложную военно-дипломатическую линию, в которой важнейшими факторами были интересы и возможности России и Китая. Обострение международных отношений на Дальнем Востоке в конечном итоге привело к войне с Японией, начавшейся в 1904 г.

Ключевые слова: Китай, Россия, ихэтуанское восстание, Альянс восьми держав, русско-японские отношения.

Для цитирования: Чурилова И.М., Баранов Д.А. Восстание ихэтуаней в дальневосточной политике России // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 137–141. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_137

Введение

С середины XIX столетия Китай становится объектом колониальной экспансии западных держав. Постепенно к процессу раздела «большого китайского пирога» присоединяются Япония и США [1, с. 58]. Российская империя перешла к решительному расширению пределов своего геополитического влияния на страны Дальнего Востока лишь ближе к концу XIX в., что было продиктовано необходимостью обезопасить свои дальневосточные рубежи от активизировавшейся японской экспансии. Вопрос внешнеполитической безопасности России в этом регионе встал острейшим образом после подписания Симоносекского мирного договора по итогам японо-китайской войны (1894–1895 гг.). Согласно его условиям, Япония получала контроль над Ляодунским полуостровом, островами Тайвань и Пэнхуледао, а на Китай возлагалось бремя контрибуции и вынужденное смягчение условий для проникновения японского капитала на внутренний рынок [2, с. 35–36].

Неблагоприятная конфигурация внешнеполитических факторов лежала в основе переориентации ключевого внешнеполитического курса России с Балкан, Ближнего Востока на Азиатско-Тихоокеанский регион. Основываясь на методах сравни-

тельно-исторического анализа и опираясь на данные РГВИА (Российского государственного военно-исторического архива), воспоминания ключевых участников политико-дипломатического процесса (С.Ю. Витте, А.Б. Лобанова-Ростовского, К.В. Церпицкого и др.), донесения агентов и дипломатов (М.Н. Гирса и К. Вогака), авторами статьи была предпринята попытка вскрыть глубинные причины длительного русско-японского противостояния, сущностные корни которого вытекают из хода и последствий конкретного военно-политического эпизода. Речь идет об участии России в подавлении «восстания ихэтуаней» (или «боксерского восстания»), ход и итоги которого следует рассматривать в качестве ключевой предпосылки обострения русско-японских отношений в Китае, приведшего к полномасштабной войне и революционным событиями внутри страны.

Актуальность данной проблемы обусловлена отсутствием значительных работ в пределах российской историографии, которые могли бы претендовать на комплексное исследование взаимосвязи глобальных внешнеполитических факторов рубежа XIX–XX вв. и конкретных шагов держав-конкурентов на Дальнем Востоке. Нельзя не отметить, что в последнее время интерес к «дальневосточному повороту» во внешней политике России и «боксерскому восстанию» несколько возрос, но ра-

боты отечественных исследователей по-прежнему концентрируют свое внимание на отдельных аспектах рассматриваемого события или разбирают его в контексте анализа позиций военных и дипломатов, не выходя на системный анализ глубоких причинно-следственных связей [3; 4; 9; 12]. Данное обстоятельство вынуждает предпринять попытку систематизации основных этапов нарастания напряженности в русско-японских отношениях на почве обострившегося «китайского вопроса».

Результаты

По мнению профессора истории С. Окамото: «Россия представляла собой главную угрозу с севера уже в эпоху Токугавы (третьей династии сёгунов – военно-феодалов правителей Японии в 1603–1868 гг.) [7]. В национальном плане обороны от 1871 г., составленном Ямагата Аритомо, Россия рассматривалась в качестве ключевой угрозы [7, с. 34–48]. В 1895 г. Япония запустила программу перевооружения, стараясь завершить ее до постройки русскими Великого сибирского пути [9, с. 17]. Внешнеполитическая линия Японии предполагала широкомасштабную экспансию, затрагивавшую Курильские острова, Сахалин, Камчатку, Формозу (Тайвань), Корею, Маньчжурию и большую часть восточной Сибири [9, с. 14–15]. Вероятное столкновение интересов Японии и России осложнялось активным проникновением на китайский рынок капитала США и Великобритании, занимавших откровенно прояпонскую позицию».

В описанных условиях для России сближение с Китаем было единственно верным шагом на пути защиты своих геополитических интересов на Дальнем Востоке. Весной 1895 г. начался «восточный поворот» в российской внешней политике, что ознаменовалось интенсивными двусторонними переговорами, завершившимися подписанием ряда важных соглашений, дополнивших заключенный в 1881 г. Санкт-Петербургский договор об Илийском крае и торговле в западнокитайских провинциях [10, с. 54–60]. В сентябре (августе) 1896 г. политическая верхушка Китая и Русско-Китайский банк подписали концессионный договор на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги [10, с. 74–77].

Положение России усложнилось в период боксерского (ихэтуаньского) восстания (1898–1901 гг.). Поначалу среди китайских верхов выраженных антироссийских настроений не наблюдалось, но императорский двор не мог снизить градус таковых среди обычных китайцев и был вынужден идти на компромиссы. За два предшествовавших восстанию года значительная часть пророссийски настроенных министров была выдворена из состава кабинета. В отчетах К. Вогака прослеживается линия неприятия подобного рода шагов со стороны китайского руководства, что могло поспособствовать обнулению военно-дипломатических усилий России в регионе [15, с. 4–67]. Им высказывались осторожные предложения о необходимости концентрации на защите интересов в Манчжурии и нежелательности российского вмешательства в ситуацию вокруг Пекина. Несмотря на рациональное зерно в донесениях К. Вогака, российские дипломатические круги не считали необходимым прибегнуть к каким-либо поспешным военным приготовлениям. Глава дипломатической миссии М.Н. Гирс и лидер всей российской дипломатии М.Н. Муравьев (сменивший на этом посту скончавшегося в 1896 г. Лобанова-

Ростовского) были склонны рассматривать агентурные донесения как недостоверные и «паникерские» [8, с. 169].

Были ли практические основания для подобного недоверия? В этом отношении весьма любопытные данные демонстрирует Я.С. Гузей, проанализировавший нарастание тревожных и даже панических настроений среди жителей приграничных регионов Дальнего Востока. По данным переписи 1898 г., на территории России постоянно проживало до 60 тыс. китайцев. Привлекательные для китайской рабочей силы Ляодун, Хабаровск и Владивосток уже в то время становились центрами притяжения переселенцев из Поднебесной [3, с. 82–84; 6, с. 3–93].

К маю 1900 г. отношение местного населения к китайским соседям резко обострилось, что не могло не волновать российские верхи, не желавшие обострения внутривосточной ситуации на Дальнем Востоке. Все чаще циркулировали слухи о том, что якобы с началом восстания «китайцы стали получать массы каких-то писем, которые вызывают среди них оживленные разговоры» и «будто бы, среди кварталов, населенных китайцами, появляется масса новых объявлений на китайском языке» [3, с. 83]. В Благовещенске еще до объявления военного положения «благоразумные обыватели» стали обращать «свои жилища в неприступные форты и даже отстреливаться от фантастических врагов» [9, с. 5]. А в деревне Владимировка Амурской области «в одну из темных ночей какой-то усердный «патриот» бежал по деревне и, стуча в окна и двери изб, кричал: «Вооружайтесь косами, топорами, вилами. Сейчас нападут маньчжуры и китайцы» [10, с. 1]. Решение российского руководства об отсрочке военных приготовлений и нежелательности активных действий могло приниматься под влиянием подобного рода эксцессов.

Ситуация резко изменилась в начале мая 1900 г., когда ихэтуани начали планомерный захват столичной провинции Чжили. Их быстрое продвижение к Пекину и Тяньцзиню сопровождалось экспроприацией иностранной собственности, погромами и разрушением линий коммуникаций. Общее положение усугублялось угрозой дипломатическому кварталу и полной неэффективностью китайской армии, части которой нередко переходили на сторону восставших [1, с. 423; 9, с. 95].

В самом начале мая 1900 г. военно-морские силы европейских держав решились на демонстрацию мощи в районе Дагу. С этой целью ими были проведены маневры. Расквартированные на полуострове Гуань-дун российские силы по-прежнему не предпринимали каких-либо активных действий, а военно-морской флот на данном этапе не присоединился к западному демаршу [16, л. 53 об.; 17, л. 10–19; 18, л. 17–22; 19, л. 21].

Были предприняты и решительные дипломатические усилия по формированию коалиции держав в целях защиты иностранных граждан и собственности. На совещании посланников России, США, Германии, Австро-Венгрии, Британии, Италии, Франции и Японии было принято решение о высадке десанта союзных сил с целью защиты дипломатического квартала. Согласовав свои действия с американскими, немецкими и французскими коллегами, М.Н. Гирс телеграфировал о необходимости отправки воинского контингента (матросов) в район Пекина, что и было сделано. Общая численность задействованных в этой операции дополнительных

войск называется участником событий В.В. Корсаковым. В его воспоминаниях содержатся следующие цифры: 79 англичан, 75 французов, 63 американца, 50 немцев, 28 итальянцев и русский контингент – 72 матроса при двух офицерах [5, с. 94–95]. С этого момента европейские страны перешли к открытой военной интервенции, оправдываемой вынужденной помощью китайским властям в подавлении бунта [15, с. 50].

Политико-дипломатические реалии мая-июня 1900 г. намекали на существенное обострение внутри лагеря европейских держав. Наметились рельефные контуры конкуренции за раздел азиатской сферы влияния, а сам этот процесс начал принимать острые обороты. Дипломаты российской стороны предпринимали существенные усилия для переориентации позиции императорского двора в Пекине в сторону более тесного взаимодействия с Россией. М.Н. Гирс направил письмо императрице Циси с целью уведомить ее о начале вынужденной военной интервенции с участием российской стороны, невзирая на достигнутые ранее соглашения. Таким образом, Россия заявила, что присоединится к европейским державам, начавшим военные действия в районе Дагу (район устья р. Пейхо, совр. Хайхэ). В самом начале июня М.Н. Гирс отослал в столицу секретную телеграмму, содержащую соображения относительно необходимости применения вооруженных сил, что создавало очевидный контраст с высказывавшейся месяцем ранее позицией [13, с. 245–250]. Теперь планы России не ограничивались одной лишь помощью в подавлении восстания, что вытекало из майских документов министра М.Н. Муравьева. В первом документе оговаривалась необходимость упреждения японского вмешательства во внутривосточные дела Китая. С этой целью предлагалось использовать четырехтысячный военный контингент Порт-Артура. Второй документ очерчивал контуры построения дальнейших отношений с Пекином в союзном ключе. Подчеркивалась приверженность Россией союзных отношений с Китаем и необходимость недопущения японской экспансии в регион [12, с. 15–17].

Придерживаясь линии «умеренного военно-политического консерватизма» и практики «осторожной дипломатии», российские дипломатические круги не могли не учитывать некоторые симпатии к ихэтуаням в среде китайских верхов и военной элите страны. Россия выступала в качестве «удобного» кандидата на общее руководство военной операцией по подавлению восстания, но пыталась всячески избежать этой роли.

Стремительное продвижение ихэтуаней в Маньчжурии и разрушение коммуникаций КВЖД вынуждали военно-политическую элиту России действовать более решительным образом [9, с. 95]. Три генерал-губернатора (цзянь-цзюня) объявили войну России, руководствуясь установками части высших чиновников, что требовало незамедлительной реакции с российской стороны. На этом фоне император принимает решение о вводе войск в Маньчжурию для защиты рабочих и военнослужащих в районе Южно-Маньчжурского участка полотна. Именно этот отрезок жизненно важной инфраструктуры рассматривался ихэтуанями в качестве наиболее важного узла связи и являлся одной из главных целей вооруженного натиска. Местное китайское руководство решительным образом потребовало ввода российского контингента, а параллельно с

этим событиями уже началась полномасштабная осада посольского квартала Пекина.

В середине июня 1900 г. после совещания адмиралов европейских союзных держав, проходившего под председательством вице-адмирала Я.А. Гильдебрандта, было решено передать командование четырмя китайскими флотами, атаковать форты Дагу, а в последующем ввести союзные контингенты в Пекин для деблокирования посольского квартала. С этой целью командующему Ло Юнгуаню был вручен ультиматум о сдаче фортов Дагу и переходе военно-морских сил Китая под командования коалиции [1, с. 423]. переброска дополнительных военных сил позволила России сконцентрировать в Маньчжурии и центральных провинциях Китая около 100 тыс. человек [18, л. 17–21]. В этой ситуации китайский двор 21 июня 1900 г. объявил войну державам-интервентам, что не помешало ему продолжить дипломатические контакты, рассылая извинительные письма, ссылавшиеся на невозможность подавления восстания и вынужденные меры [1, с. 420–423]. Ихэтуани и китайская армия действовали теперь в единой связке.

После захвата Дагу и местных укрепленных районов армия интервентов двинулась на Тяньцзинь и 14 июля захватила его, что стало значительным успехом в деле разгрома восставших. Если верить воспоминаниям участника тех событий капитана Н. Санникова, то складывается картина несогласованности в рядах командования, неумение вести городские бои и низкий уровень подготовки союзных контингентов. Н. Санников упоминает и нежелание европейцев озаботиться судьбой китайского императорского двора и простого населения [11, с. 93].

К концу июля встала необходимость в назначении командующего объединенным контингентом союзных сил. Одним из кандидатов на эту должность рассматривался вице-адмирал Е.И. Алексеев (с 19 августа 1899 г. – главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами на Тихом океане) [1, с. 424]. Этому назначению воспротивился новый глава МИДа В.Н. Ламсдорф, оказав поддержку кандидатуры генерал-фельдмаршала А. фон Вальдерзее. Николай II не возражал против этого предложения, подчеркнув, что под юрисдикцию нового командующего объединенными союзными силами подпадет лишь провинция Чжили. По мнению ряда современных зарубежных авторов, кайзер, используя российское согласие в качестве политического рычага, заручился поддержкой Англии и Франции [6]. Российские дипломатические верхи продолжали осторожную политику Муравьева, заверявшего китайскую сторону в приверженности союзническому долгу.

В начале августа 40-тысячная объединенная армия союзных держав развернула наступление на Пекин [1, с. 424]. Общее командование фактически осуществлял генерал-лейтенант Н.П. Линевиц [1, с. 424–425]. Деятельность фон Вальдерзее ограничилась карательными операциями против восставших, в которых российские войска участия не принимали, несмотря на предписание императора от 7 сентября о необходимости покарать лидеров и наиболее активную часть бунтовщиков [9, с. 94; 14].

Российская сторона выдвинула предложение о необходимости вернуть бежавший императорский двор, предоставив правительству Китая возможность самостоятельно завершить разгром восставших и вернуть под свой контроль власть в стране

[9, с. 95]. Данные предложения канули в дипломатический вакуум, став единственной попыткой противодействия колониальному закабалению Китая.

Выводы

В декабре 1900 г. начались дипломатические переговоры представителей правительства Китая с восемью государствами-интервентами. В процессе урегулирования конфликта принимали участие Бельгия, Голландия и Испания. Из-за острых противоречий переговоры длились 9 месяцев. 7 сентября 1901 г. Ли Хунчжан и принц Цин [1, с. 661] подписали с посланниками 11 государств кабальный Заключительный протокол [10, с. 84–90], который окончательно превратил Китай в полуколонии. В ходе переговоров проявились определенные

различия в отношении к Китаю со стороны России и участников «Альянса восьми держав». Позиция России была нацелена на развитие отношений с Китаем. При подавлении «Ихэтуаньского восстания» она ограничилась действиями, адекватными угрозам российским интересам и жизням соотечественников, демонстрировала верность своей политике добрососедства и сотрудничества с Китаем, заинтересованность в его суверенитете, целостности и стабильности развития.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Военная энциклопедия : в 8 т. М. : Воениздат, 1995. Т. 3. 543 с.
2. Витте С.Ю. Воспоминания : в 3 т. 2-е изд. Л. : Государственное издательство, 1924. Т. 1. 518 с.
3. Гузей Я.С. Боксерское восстание и синдром «желтой опасности»: антикитайские настроения на российском Дальнем Востоке (1898–1902 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2. С. 82–86.
4. Королёв А.Е. Московский договор 1896 г.: тайные страницы русско-китайских отношений // Метафоры истории. Вып. 2. 2002. С. 55–93.
5. Корсаков В.В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май-август 1900 года. СПб., 1901. 394 с.
6. Лю Лей. Исследование эволюции политики правительства Цин в отношении России 1896—1905 гг.: от близости к отдалению. Хунань : Изд-во Хунаньского педагогического университета, 2008. 93 с.
7. Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне. М. : Центрполиграф, 2003. 354 с.
8. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 : в 3 т. / под ред. И.С. Иванова. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 3. 432 с.
9. Романов Б.А. Россия и Маньчжурия (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л. : Типография Ленинградского восточного института. 1928. 605 с.
10. Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М. : Изд-во восточной литературы, 1958. 142 с.
11. Санников Н. Печилийский отряд и сводная сапёрная рота этого отряда // Инженерный журнал. 1903. № 6–7. С. 873–874.
12. Старовойтова Е.О. 1881–1905 годы в истории русско-китайских отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2012. № 2. С. 10–17.
13. Сюй Ваньминь. К вопросу о переоценке русско-китайского военного конфликта 1900 г. // Русско-китайские отношения: история и современность / под ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин : Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2009. С. 245–256.
14. Хвостов В.М. Глава седьмая. Начало англо-германского антагонизма. Обострение дальневосточной проблемы // История дипломатии : в 3 т. / под ред. В.П. Потёмкина. М.; Л. : Госполитиздат, 1945. Т. 2. 423 с.
15. Чжан Гонин. Антиросийские идеи поздней Цин и зарождение национального самосознания (1840–1900). Хэнань : Издательство Хэнаньского университета, 2008. 67 с.
16. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 780.
17. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 5753.
18. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 486. Оп. 1. Д. 1.
19. РГВИА. Ф. 14370. Оп. 1. Д. 433.

References

1. *Voennaya entsiklopediya* (1995) [Military Encyclopedia]. Moscow, Military publ. Vol. 3. 543 p. (in Russian)
2. Witte, S.Y. (1924) *Vospominaniya* [Memories]. Leningrad, State Publishing House. Vol. 2. 518 p. (in Russian)
3. Guzey, Ya.S. (2011) *Bokskerskoe vosstanie i sindrom «zheltoi opasnosti»: antikitaiskie nastroeniya na Dal'nem Vostoke Rossii (1898–1902 gg.)* [The Boxer Rebellion and the «Yellow Peril» Syndrome: Anti-Chinese Moods in the Russian Far East (1898–1902)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. (4–2), 82–86. (in Russian)
4. Korolev, A.E. (2002) *Moskovskii dogovor 1896 g.: tainye stranitsy russko-kitaiskikh otnoshenii* [Moscow Treaty of 1896: Secret Pages of Russian-Chinese Relations]. *Metamorfozy istorii*. (2), 55–93. (in Russian)
5. Korsakov, V.V. (1901) *Pekinskie sobytiya. Lichnye vospominaniya uchastnika ob osade v Pekine. May-avgust 1900 goda* [Beijing events. Personal memories of a participant about the siege in Beijing. May-August 1900]. Sankt-Petersburg, Tipografiya A.S. Suvorina. 394 p. (in Russian)

6. Liu Lei (2008) *Issledovanie evolyutsii politiki pravitel'stva Tsin v otnoshenii Rossii 1896–1905 gg.: ot blizosti k otdaleniyu* [A Study of the Evolution of the Policy of the Qing Government towards Russia 1896–1905: From Proximity to Distancing]. Hunan, Izdatel'stvo Khunan'skogo pedagogicheskogo universiteta. 93 p. (in Russian)
7. Okamoto, S. (2003) *Yaponskaya oligarkhiya v Russko-yaponskoi voine* [Japanese Oligarchy in the Russo-Japanese War]. Moscow, Tsentrpoligraf publ. 354 p. (in Russian)
8. *Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii. 1802–2002* (2002) [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 1802–2002]. Moscow, OLMA-PRESS publ. 432 p. (in Russian)
9. Romanov, B.A. (1928) *Rossiia i Man'chzhuriya (1892–1906): Ocherki po istorii vneshnei politiki samoderzhaviya v epokhu imperializma* [Russia and Manchuria (1892–1906): Essays on the history of the foreign policy of the autocracy in the era of imperialism. Leningrad: Printing house of the Leningrad Oriental Institute]. Leningrad, Tipografiya Leningradskogo vostochnogo instituta. 605 p. (in Russian)
10. *Russko-kitaiskie otnosheniya 1689–1916. Ofitsial'nye dokumenty* (1958) [Russian-Chinese relations 1689–1916. Official documents]. Moscow, Izd-vo vostochnoi literatury. 142 p. (in Russian)
11. Sannikov, N. (1903) Pechiliiskii otryad i svodnaya sapornaya rota etogo otryada [Pechili detachment and the combined sapper company of this detachment]. *Inzhenernyi zhurnal*. (6–7), 873–874. (in Russian)
12. Starovoitova, E.O. (2012) 1881–1905 gody v istorii rossiisko-kitaiskikh otnoshenii [1881–1905 in the history of Russian-Chinese relations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. (2), 10–17. (in Russian)
13. Xu, Wanming (2009) K voprosu o pereotsenke russko-kitaiskogo voennogo konflikta 1900 [On the issue of reassessment of the Russian-Chinese military conflict of 1900]. *Russko-kitaiskie otnosheniya: istoriya i sovremennost'*. Pekin, Shekhuey kesyue ven'syan'. 245–256. (in Russian)
14. Khvostov, V.M. (1945) *Glava sed'maya. Nachalo anglo-germanskogo antagonizma. Obostrenie dal'nevostochnoi problemy. Istoriya diplomatii* [Chapter seven. Beginning of Anglo-German antagonism. Exacerbation of the Far Eastern problem. History of diplomacy]. Moscow, Leningrad, Gospolitizdat. 423 p. (in Russian)
15. Zhang, Guongin (2008) Antirossiiskie idei pozdnei Tsin i zarozhdenie natsional'nogo samosoznaniya (1840–1900). Khenan': Izdatel'stvo Khenan'skogo universiteta [Anti-Russian ideas of the late Qing and the emergence of national identity (1840–1900)]. Henan, Izdatel'stvo Khenan'skogo universiteta. 67 p. (in Russian)
16. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (dale – AVPRI)* [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. F. 184. Posol'stvo v Londone. Op. 520. D. 780.
17. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voyenno-Morskogo Flota (daleye – RGAVMF)* [Russian State Archive of the Navy]. F. 418. Op. 1. D. 5753.
18. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (dale – RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive]. F. 486. Op. 1. D. 1.
19. RGVIA. F. 14370. Op. 1. D. 433.

Поступила в редакцию 02.06.2022
Подписана в печать 27.09.2022

Original article
UDC 94(47).08:94(571)
DOI 10.47438/2309-7078_2022_3_137

THE YIHETUAN UPRISING IN RUSSIA'S FAR EASTERN POLICY

Irina M. Churilova¹, Dmitry A. Baranov²

*Moscow City Pedagogical University¹
Moscow, Russia*

*Military Educational and Scientific Center of the Air Force “N.E. Zhukovsky
and Y.A. Gagarin Air Force Academy”²
Voronezh, Russia*

¹*Cand. Histor. Sci., Docent of the Department of National History,*

ORCID ID: 0000-0002-0757-1207, tel.: (499) 181-66-29, e-mail: imb1985@yandex.ru

²*Cand. Histor. Sci., Senior Lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
ORCID ID: 0000-0002-7903-7484, tel.: (473) 244-38-32, e-mail: baranovdmitry2@gmail.com*

Abstract. The article examines the causes and prerequisites for the “eastern turn” in Russia's foreign policy at the end of the 19th century. The initial rapprochement with China gave way to a stage of conflict and laid the foundations for the Russo-Japanese confrontation in the Far East. The authors present an analysis of the Russian-Chinese relations in 1895–1900, goals of Russia's Far Eastern policy and its participation in suppressing the Yihetuan uprising of 1898–1901. The key conclusion is that Russian Far Eastern policy at the end of the nineteenth century changed from the simple system of bilateral relations to the global system, in which interests and possibilities of Russia and China were the most important factors. The aggravation of international relations in the Far East eventually led to a war with Japan, which began in 1904.

Key words: China, Russia, Yihetuan uprising, Alliance of the Eight Powers, Russian-Japanese relations.

Cite as: Churilova, I.M., Baranov, D.A. (2022) The Yihetuan uprising in Russia's far eastern policy. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (3), 137–141. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_137

Received 02.06.2022
Accepted 27.09.2022